

Обсуждение книги¹

«ФИЛОСОФИЯ ФОТОГРАФИИ»

Интеллектуальный клуб ГАЛЕРЕИ “БОРЕЙ”. Ведущий доктор философских наук, профессор АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГРЯКАЛОВ

Проф. А. А. Грякалов: Мы приступаем к обсуждению книги известного петербургского философа, художника, куратора проф. Валерия Владимировича Савчука «Философия фотографии». Мне вспоминается событие, произошедшее с Г. Маркесом. Когда он закончил свой роман «Сто лет одиночества» в комнату вошел голубой кот. Маркес принял это как хорошее предзнаменование о судьбе своей книги, что она будет востребована и переиздана. Так оно и случилось. Правда, позже выяснилось, что кота раскрасили дети. Полагаю, что и эту замечательную книгу Валерия Владимировича, хотя здесь и нет голубого кота, ждет благоприятная судьба.

Фотография близка каждому из нас. Почти все фотографировали или фотографируют сегодня. Поскольку эта тема касается всех, я надеюсь на серьезное обсуждение книги.

А теперь я хочу предоставить первое слово уважаемому коллеге, доктору философских наук, профессору СПбГУ **Юрию Михайловичу Шилкову**.

Спасибо за приглашение на презентацию книги моего коллеги по кафедре проф. Савчука Валерия Владимировича. Я не сомневаюсь, что книги, которые выпускает наше университетское издательство, обладают высоким научным качеством. Правда, такую красивую и добротню изданную книгу я вижу впервые. Такие книги будут бестселлерами. Как случайному персонажу в пространстве художественной галереи мне трудно представить о чем здесь обычно говорят. Я ограничусь в своей

¹ Обсуждение книги Валерия Савчука Философия фотографии. - СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. — 256 С. состоялось в апреле 2005 года в Интеллектуальном клубе галереи “Борей” Ведущий д. ф. н., проф. Алексей Алексеевич Грякалов, а также в кафе-фотографический клуб «Раскольников» Ведущий — фотограф, историк фотографии Александр Китаев.

речи общей оценкой и комментарием к этой поистине замечательной книге проф. Савчука. Она и объемная, и торжественная, и оригинальна по оформлению. Она и философская и фотографическая. Жанр книги можно было назвать философско-фотографическим. Замечу, что исследовательская страсть к языку искусства, которая нынче наблюдается в философии, имеет долгую традицию. Я сошлюсь на Аристотеля, который интересовался миметическими сюжетами в искусстве и возможностями изобразительного языка. Он разъяснил ассоциативные приемы, в формах которых мы воспринимаем не только явления действительности, но и изобразительный язык фотографии. Зрительное восприятие заметно облегчает всю нашу жизнь, позволяет понять мир и людей не только в пространственных композициях, но и в разнообразии красок. Хотя изобразительный язык фотографии заявил о себе с XIX века, философский интерес к нему пробудился лишь в последние десятилетия. Книга Валерия Савчука раскрывает истоки и развитие философских вариаций на фотографические темы. Само прочтение философского текста гармонирует с фотографическими сюжетами.

Для меня фотография – способ человеческого существования, способ существования того, кто занят этим искусством, того, кто оказывается в качестве персонажа или предмета фотоизображения, а также и того, кто занят интерпретацией, представлением фотографии зрителю и читателю. Мне кажется, что фотография позволяет ощутить запах, прикосновение времени. Она позволяет воспроизвести сюжет из прошлой жизни, провоцирует нашу память о прошлом. В этом ее изобразительное преимущество, которым не обладает никакой текст. Тот эффект, который создает фотография, не создается средствами других жанров искусства. Когда появляется жанровое разнообразие художественных языков, тогда есть возможность сопоставлять их. Язык фотографии вписался сегодня в те виртуальные контексты, которые облагородили информационные технологии. Я имею в виду те самые информационные возможности радио и телевидения, с помощью которых создаются виртуальные миры, практически не отличимые от действительного (документального) плана. Фотография, как мне представляется, оказалась на острие нынешнего информационно-технологического развития. Изобразительный язык фотографии претендует на всеобщее и необходимое выражение нашей жизни.

Другой момент, который я лишь чуть-чуть задену, касается рассуждений В. Савчука о сложной ситуации создания фотопортрета. С чем сталкивается фотограф, когда хочет кого-либо или что-либо изобразить? Между ним и миром посредник — фотоаппарат, пускай даже самое совершенное на сегодня техническое устройство. Кроме того, надо сказать и о том, фотографическом оке, которым фотограф выбирает способ, фокус смотрения на мире. Ведь разницу между тем, как видит мир фотограф и тем, как видит мир простой смертный, трудно оспаривать. Способность видения — да, специфика техники — да, сама технология — да, но дело заключается еще и в том, что фотограф не просто работает в режиме профессионального художника, но еще и в режиме того посредника, функции которого сродни актерским функциям. По-видимому, фотограф работает также как и актер, в предлагаемых обстоятельствах. Он озабочен тем, что увидит зритель, кому и адресуются его фотографии. Поэтому-то фотография вбирает в себя и когнитивные и коммуникативные возможности, которые реализуются как фотографом, так и зрителем, ее воспринимающим.

Завершая свою речь, я представляю будущее книги В. Савчука, в которой читатель превращается в зрителя, а зритель будет захвачен текстом, раскрывающим то, что он увидит.

А. А. Грякалов: А теперь представляем слово уважаемому доктору филологических наук, профессору **Фокину Сергею Леонидовичу**.

Свое выступление я назвал бы «Фотография актуальной философии».

Не будучи ни философом, от лица которого написана эта книга, ни фотографом, лица, лики и блики коих, в том числе и самого автора, изрядно красят книгу, я попробую взглянуть на «Философию фотографии» как любитель. Любитель не фотографии, к которой я по большей части равнодушен, точнее говоря, к которой у меня не лежит душа, поскольку фотография представляется мне искусством убивания жизни - лови момент, *memento mori* - а философии. То есть это будет такой взгляд философа-любителя, а еще лучше - философа воскресного, философа выходного дня, для которого занятие это не ремесло, а увлечение, влечение, которому отдаешься, вырвавшись из сутолоки трудовой недели.

Что же бросается в глаза любителю философии, или, лучше любителю от философии, когда он обращается, взором или мыслью, тем

самым умозрением, от которого пытается откреститься здесь философ-фотограф, к этой книге? На мой взгляд, на мой неискушенный взгляд любителя от философии, перед нами не только «Философия фотографии», об основаниях которой В. Савчук размышляет в первых разделах книги и которую развивает на протяжении всего текста, но и «Фотография философии» или, как сказал бы неоднократно поминаемый в книге В. Беньямин, который, кстати будет сказано, также почти во всем оставался любителем, перед нами моментальный снимок, или моментальная фотография, запечатлевшая настоящую ситуацию, настоящую сцену или студию современной философии в России.

Что же эта за ситуация? Или что же это за фотография? Если сказать попросту, крайне схематично, то философия запечатлена на ней не столько «в позе логоса» (этому концепту посвящен один из самых блистательных разделов книги), сколько в позе-без-логоса. Скажем прямо: в позе весьма неудобной, непривычной, а главное - совсем не примелькавшейся для глаз стороннего наблюдателя, любителя философии или от философии. В самом деле, философия запечатлена здесь словно бы в отсутствие логоса, схвачена так, как если бы логос вдруг испарился, исчез из поля зрения философии и вот она - в отсутствие логоса - взирает на окружающие и кружащие ее образы. Империя образов или гегемония визуального - вот к чему обращена эта книга.

Итак, философия в отсутствие логоса, во внимании не к логосу, а к образу, причем к образу не только симулятивному, референтному, означающему, но и к образу конститутивному, входящему в состав структуры нашего здесь и сейчас, *Dasein*. Я не буду вдаваться в эти темноты. Я только скольжу взглядом по этой фигуре философа, по этой позе философии, взирающей на образы, которые взирают на нее. От чего она приходит в изумление, и даже недоумение. То, есть на этом моментальном снимке философия предстает словно бы «глуповатой», словно бы с трудом ворочающей языком, как если бы ей приходилось изъясняться на языке иностранном. Проблема создания русского философского языка - вот что могло бы роднить философа и художника, если последний думает не только о том, чтобы предъявить себя миру, но и о том, чтобы через него, что-то от мира и миру явилось.

И в самом деле, несть числа философам, которые говорят только о философях, только с философами, только для философов. Которые воспринимают философию как службу или даже служение (Истине,

Отечеству, самому Всевышнему), не замечая при этом того, что если они чему-то и служат, то только философии для служебного пользования, только местам общественного пользования философией.

Валерий Савчук воспринимает философию не как службу, а как дружбу, то есть он философствует не в службу, а в дружбу - и его книга, этот моментальный снимок современной философии, запечатлела дружбу философии и фотографии, дружбу философа и фотографов, как знаменитая книга Ж. Делеза запечатлела дружбу философии и кино. Философствовать не о фотографии, а вместе с фотографией, более того - в месте фотографии, в самом топосе фотографии. Такой мне видится здесь другая поза философа.

А. А. Грякалов: С удовольствием предоставляю слово кандидату философских наук, доценту СПбГУ *Савченковой Нине Михайловне*.

Мне хотелось бы отреагировать на эту книгу Валерия Владимировича не как философу и не как человеку занимающемуся визуальным искусством. Открыв ее, я отчетливо почувствовала себя простодушным читателем, подхваченным интонацией, историей сложных взаимоотношений автора с предметом повествования. Валерий Савчук – автор отнюдь не невинный, мы читали много его книг. Обычной их особенностью было сочетание философского тезиса и остроумия. Валерия всегда чрезвычайно увлекали игры языка и он вдохновенно сплетал слова как ткut узоры на ковре. Кроме того, Валерий Савчук всегда стремился к фиксации эффектов современности. Этой вечно ускользящей современности он пытался соответствовать в мысли, языке и теме.

Про книгу Валерия Савчука «Философия фотографии» можно сказать, что она не похожа на предыдущие. Она серьезная и простая. В ней снимается различие времен или, точнее, три времени – конец XIX Европа, шестидесятые годы XX века Россия, рубеж XX-XXI Россия – вступают в диалог, так что каждое время проявляет себя и позволяет обостренно пережить странный механизм наследования смыслов и иначе отнестись к тому, что мы привыкли называть «современностью». Казалось бы, какая связь между Фридрихом Ницше, кронштадтскими подростками и провинциальным фотографом, бросающим на нас взгляд одновременно «случайный и сосредоточенный»? Для автора такая связь есть, он занят распутыванием следов, раскрытием тайны, восстановлением истории Ребенка, Философа, Художника, самого себя – под взглядом Другого, под

объективом фотокамеры. Ясно осознавая все опасности подобного мероприятия (никогда не знаешь, что найдешь – пустое место истины или пистолет с одним патроном), автор, тем не менее, препоручает себя логике пути, силам вопрошания.

А. А. Грякалов: Предоставляю слово и жду интересного, как всегда, сообщения от кандидата экономических наук, доцента **Александра Погребняка**.

У меня три основных тезиса, которые вытекают из ответа на три вопроса.

1. как можно объединить позицию философа и художника, ведь первый говорит от имени тьмы, сова Минервы вылетает в сумерки, а второй от имени света, недаром фотография это светопись?
2. Есть ли в книге основной тезис?
3. Философская ли эта книга?

Философ, по гегелевскому определению, подобен сове, которая вылетает в сумерках, когда солнце зашло. Как мне признался Валерий, ему надоели набившие оскомину «punctum'ы», «studium'ы», «маленькие смерти», которые уже ничего не открывают, но скорее закрывают способность видеть саму фотографию. Их использование стало условием современного образованного человека, их должны знать студенты на зачетах (замечу в скобках, что в его книге я не встретил первых упомянутых слов-заклинаний актуального фотодискурса). Ему также не нравятся философские или псевдофилософские определения того, что есть сущность фотографии как таковой. Но это он говорит как художник, которому всегда тесно в любых ограничениях жанра, направления, мысли. Художник всегда хочет чего-то нового. Но как философ он вынужден взять на себя задачу синтезировать эти определения. Как художник он устремлен вперед, к новому, а как философ обращается к старому, выстраивая некую синтетическую концепцию. Защищая первого оратора (проф. Шилкова Ю.М.) от нападок Александра Китаева. И дело здесь не в том, что театр есть другое дело, но и архаический обмен, архаическое жертвоприношение это уже совсем другое дело, чем фотография, но Валерий Савчук возвращается в эти времена для того, чтобы понять существо дела фотографии. В этом отношении он выступает как философ. Может в шутку, а может всерьез он предлагает свое определение философии фотографии: «Философия фотографии — это не только

теоретическая дисциплина, но и любовь к мудрости фотообраза». Определение ироничное, поскольку трудно представить себе человека, который прочел бы это определение и стал искать в фотообразе, фотографиях какую-то мудрость. В тоже время в этом определении есть второе дно, какая-то глубина. Я понимаю это определение вот в каком смысле. В тексте есть хорошее наблюдение: ну конечно же есть некая правда в том, что фотография есть некий след бывшей реальности. Но ведь не только след. Истина фотографии больше, чем ее правда. Истина фотографии в том, что сама фотография есть некое событие.

В связи с этим хочу обратить внимание на одну из самых замечательных глав «Поза логоса». Она показывает, в чем же состоит опыт фотографа как опыт бытия или как способ бытия. Замечательный сюжет, связанный с консервной банкой, о которой пишет Лакан. Она захватывает взгляд, настаивает на себе. В этом смысле подлинный фотограф вступает в архаический обмен с космосом. Фотограф — это такой тип художника, который позволяет в свое тело и в свое время вторгнуться вещи, которая в некотором смысле является абсолютно внешней. В этом смысле фотограф как художник представляет собой опыт бытия как трансценденции. На основе анализа Валерия Савчука можно провести различие между фотографией подлинной в хайдеггеровском смысле и фотографией как чем-то не подлинным. Все мы живем среди «фоток». Это и фотографии в паспорте, и рентгеновские снимки, и фотографии в анфас и профиль, когда задерживает милиция и т.д. и т.п. Наш повседневный опыт, это постоянная размена на некие «фотки». Даже тогда, когда нас никто не фотографирует, мы испытываем зависть, почему фотографируют не меня, а другого: была бы «карточка» в фотоальбом. И в тоже время есть жертвенный образ фотографа, который не разменивает свою жизнь, а вступает в некий радикальный обмен. Он от начала и до конца несет ответственность за этот обмен, принимая позу логоса. Для того, чтобы лучше понять ее, можно вспомнить работу Хайдеггера «Исток художественного творения». В ней он, анализируя полотно Ван-Гога, замечает, что произведение искусства умирает тогда, когда мы начинаем рассуждать о художественных достоинствах, о каких-то образах, о том, что и как нарисовано. Здесь Хайдеггер производит редукцию картины к фотографии. Он хочет представить опыт про-изведения как некий опыт, соразмерный нашему бытию к смерти. Он выстраивает наивный рассказ о том, как крестьянин гуляет, вернее тяжело трудится, это мы с вами гуляем.

Точно также рассуждает Валерий Подорога, критикуя Ролана Барта, когда показывает, что нельзя говорить о фотографии вообще, а лишь о глубоко задевшей нас фотографии.

В этом смысле фотограф как художник передает зрителю возможность этой подлинной коммуникации. На мой взгляд, диалог фотографа с его жертвой, в смысле зрителем, состоится именно тогда, когда мы опознали в фотографе художника, который рискнул прожить миг фотовспышки как истинный миг, как незаменимый, как удачный миг. В этом смысле кто такой фотограф? Ответ я нахожу в книге Савчука: «фотограф — это человек, который расположен между двумя полюсами. Первый полюс — это всегда гарантированная возможность эффектного снимка. Всегда можно найти что-то интересное, чтобы щелкнуть фотоаппаратом. Второй — принять никогда не гарантированную эффективную позу, позу логоса. Это относится к хайдеггеровскому Dasein, которое уже вспоминал здесь философ-любитель. Dasein так и определяется в книге А. Чернякова *Онтология времени*. (СПб., 2001). Почему Dasein живет перед будущим, да потому, что из будущего может прийти, а может и не прийти подтверждение о подлинности бытия.

И последнее. Почему же все-таки это философия? На мой взгляд, удача этой книги, состоит именно в том, что фотография была опознана как некое приключение духа. Оба слова важны. Приключение — так переводили в восемнадцатом веке на русский язык термин акциденция. То, что приключается в чем-то существенном. Валерий с этого и начинает, возможно, что фотография есть лишь приключение искусства. Есть философия искусства, но непонятно может ли быть философия фотографии. Но дальше он показывает, что это есть приключение, которое перерастает в некое событие, в некую субстанцию, в нечто духовное. Да, действительно, фотография есть наша с вами современность, которая вбирает всю нашу историю, начиная от жертвенного обмена с Космосом на основе идеи симметрии ран и заканчивая сегодняшней волей к глобальности мира. В качестве подтверждения хочу процитировать книгу, надо же кому-нибудь это сделать: “Проблема формируется тогда, когда происходит отказ от полноты образа, за сферой которого начинается хаос точек презрения реальности, презрения такой же силы, с какой каждая (точка) претендует на единственность и на власть заявлять о своей единственности. Террор означающих переходит в террор своей картины мира и утверждения своей *перспективы* на мировое устройство. И дело

фотографии, предъявляя единичность позы логоса, отказать претензии на ее единственность” (с. 39). И хотя Валерий Савчук отторгает понятие *punctum*’а, как утратившее эвристичность, — его должен знать любой студент, изучающий историю и теорию фотографии, — однако основная идея его книги в том, что сама фотография как событие является *punctum*’ом нашей истории. В фотографии мы понимаем, что предъявляемая история с самого начала и до конца нас задевает. И фотограф выступает ее медиумом.

А. А. Грякалов: я предоставляю слово студенту философского факультета СПбГУ *Михаилу Степанову*

Признаться, я польщен, оказанной мне честью выступить, здесь, в легендарной галерее Борей, перед многочисленной уважаемой аудиторией. Уже несколько лет занимаясь философией под руководством проф. Савчука я отчетливо чувствую *на себе* «режим актуальности» всех проектов Валерия Владимировича: нужно быть в постоянном тоне и держать нос по ветру, во-первых, чтобы не отстать; во-вторых, чтобы понимать направление.

Не скажу новое, тема фотографии, близкая всем и каждому – слабо заявлена именно в философском дискурсе. Да, есть книга Р. Барта, но как верно замечено, его пункты «уже набили оскомину и ничего не открывают», а манифест Флюссера «за философию фотографии» и книги С. Зонтаг ещё не переведены. Так новая книга Валерия Владимировича оказывается точкой среди линий и плоскостей в пространстве традиционных философских тем. Но, точкой бифуркации. Здесь нет новых философских персонажей, как то «культурал», но здесь режим актуальности включен по умолчанию. Книга не заставляет трепетать, судорожно искать своё место в пространстве культуры, напротив, книга, метафоричностью языка втягивает в мысль о фотографии и призывает к изучению ее, а спокойный тон автора погружает во вдумчивое созерцание о стратегиях фотографии и образности вообще.

Должен отметить главу, посвященную Позе Логоса. Близка идея, что в позе, - как собственно лишь человеку присущей именно тем, что у человека нет изначальной, врожденной позы, - объединяется тело и мысль. Как художник за мольбертом, скриптор за письмом, - так и фотограф с фотоаппаратом приравнивает своё тело к своему роду деятельности, дисциплинирует и репрессирует его. Каждый из них, если желает создать

что-либо стоящее должен полностью инвестировать свою мысль, всего себя в процесс. Принять позу, позу логоса, которая есть поза мысли. И как верно отмечено автором - если поза (конструкция взгляда) неординарна, то и результат будет действительно актуален и конструктивен.

Этот тезис о «конструкции взгляда, которая опирается на специфический комплекс идей и особый тип рациональности» вносит в понимание фотографии, а вместе с тем и других явлений культуры - фактор времени, делает опознаваемым их исторический характер. Что это не записанная и забытая, а потом найденная история, а живая история, история творимая живыми телами. Столкновения тел. Событие.

Следуя слову Валерия Владимировича, что «фотографы в одно время видят одно и совершенно не замечают другого, а в другое и начинают замечать то, что не видели в предыдущую эпоху», можно добавить, что если философы обращают своё внимание на фотографию, то это говорит об изменении конструкции взгляда самих философов. Таким образом, книга «философия фотографии» открывает новые горизонты актуальной философской аналитике. Спасибо.

А. А. Грякалов: Кто еще хочет выступить?

Дмитрий Пиликин (художник, куратор):

Я впервые держу в руках эту книгу, только что вышедшую из печати, но даже после короткого просмотра понимаю, что со многими идеями я знаком, поскольку они звучали в публичных выступлениях и частных беседах проф. Савчука. В свойственной ему последовательности книга суммирует и подводит итоги ряда критических и аналитических выступлений о феномене фотографии. Безусловно, в этом проявляется и личный интерес к актуальной мировоззренческой теме, и результат личного знакомства с российскими и зарубежными фотографами, и очень давняя (и порой страстная) полемика с текстами Вальтера Беньямина. Три текста второй части книги мне хорошо известны. Они сопровождали конкретные фотографические проекты и выставки. Более того, один из текстов, является результатом моих личных усилий и интервенций, когда я долго искушал, а потом буквально вынудил Валерия написать текст к нашему проекту "Memento mori", состоявшейся в апреле 2000 года в галерее "Navicula Artis" на Пушкинской 10. Впрочем, совесть моя чиста, поскольку в этом концептуальном проекте его текст выступал

не как комментарий, а как самостоятельное произведение, входящее в состав экспозиции.

Надо сказать, что проблема несовмещения языка и текста в разных областях гуманитарного знания все-таки существует. Каждый раз, вступая в коммуникацию изнутри художественного профессионального цеха с представителем другого гуманитарного цеха, обескураживаюсь. Я помню, какое сильное потрясение я получил, встретив случайно в одной московской компании тезку Валерия - философа Валерия Подорогу. Я читал его тексты и относился к нему с глубоким пиететом, но тут в частной беседе мне показалось, что он абсолютно ничего не понимает в современном искусстве и более того, его личный художественный вкус не выходит за пределы Бидермейера. Между тем это абсолютно ничего не значило, поскольку у философа есть совершенно другой опосредованный взгляд на искусство. В текстах того же Подороги я встречал удивительные прозрения, которые многое проясняли в том, что я сам пытаюсь делать как художник. В этом, наверное, и есть счастье сосуществования философа и художника. Данная книга, несомненно, относится к такого рода текстам.

Валерий Савчук в своей художественной практике произвел достаточно интервенций и даже глубоких погружений в художественное пространство - в пространство, не скажу противника, но друга, и тем не менее всегда возвращался в философию. В этом я вижу ценность его опыта существования и по ту, и по эту сторону границ искусства. Разность опыта опознания и познания мира, возможность посмотреть на проблему с нескольких сторон только обогащает текст. И эта книга вполне конвенциональна и для художников, и для фотографов, и для кураторов.

А. А. Грякалов: И наконец, я предоставляю слово директору издательства, благодаря которому мы имеем возможность держать эту прекрасную книгу в руках.

Доктор философских наук, проф. **Светлов Роман Викторович** (директор издательства СПбГУ):

Я очень рад, что эта книга случилась, поскольку она явилась продолжением серии “Актуальная философия”. Рад, что все авторы серии находятся здесь в зале.

Судя по выступлениям, книга вызвала интерес у различных людей. Звучал вопрос, как и почему мы издали эту книгу. Ситуация проста, когда Валерий Савчук предложил мне издать книгу “Философия

фотографии”, я спросил, а кто автор. Он ответил, я. Тогда издаем без вопросов. И я рад, что этот проект довели до конца. Это был титанический труд. Но он уже позади. Проблемы позади.

При этом я бы отдал в максимальной степени дань самому автору, сколь много им было сделано, а также нашим сотрудникам издательства в первую очередь Т. В. Семеновой, предложившей оригинальный оригинал-макет, художников, редакторов и корректоров, занимавшихся этой книгой. Именно синергия автора и издателей дала очень много. Действительно, это первая *такая* книга в нашем издательстве. Это первая художественная книга. Не в смысле литературности содержания, но искусства книги: ее формата, оформления, внутренней структуры.

Что касается содержания книги... В отличие от многих, я читал ее. Так, когда появилась первая корректура с фотографиями и мне принесли ее, сказав: “посмотрите какие здесь фотографии”, — я стал смотреть и, невольно увлекшись, читать текст. Как и все книги Валерия Савчука — читать интересно и главное поучительно. Поучительно потому, что они содержат новые контексты, новые смысловые направления, над которыми начинаешь размышлять.

Я тоже фотографировал. В студенческие годы купил “Зенит”, затем дополнительные объективы, думая, что буду делать оригинальные снимки. Но из этого ничего не получилось. По причине, вероятно, отсутствия соответственных способностей. Но я всегда с почти мистическим почтением относился к творцам-фотографам, фотографам-художникам. И вот по какой причине. Чем дольше я живу, тем отчетливее понимаю, что реальность, в которой мы пребываем, носит магический характер. Настоящий фотограф документирует эту магичность. Все, кто будут читать книгу, почувствуют правоту моих слов. Но Валерий Савчук идет и дальше. Его книга — не просто сборник фотографий с комментариями, пусть даже замечательными искусствоведческими, метафизическими, критическими комментариями. Она представляет собой философское документирование фотографических свидетельств. Факт магичности нашей реальности зафиксирован фотографией, а благодаря Валерию Савчуку перешел в плоскость философии, которая всегда имела претензию на вечность. И мне кажется, Валерию удалось зафиксировать внимательность взгляда фотографов, переведя его в иную размерность — размерность философского документа.

Спасибо за внимание, спасибо, что пришли на презентацию этой замечательной книги.

*КАФЕ-ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ КЛУБ «РАСКОЛЬНИКОВ» Ведущий —
фотограф, историк фотографии АЛЕКСАНДР КИТАЕВ.*

Фотограф Александр Китаев: Философы на своей презентации говорили о своем, нас же интересует то, что касается анализа художественной фотографии изнутри.

Отрадно, что на скудной российской фотоведческой полке появилась философская книга о фотографии. И здесь мы впереди планеты всей. На западе полки книжных магазинов вначале заполнились фотоальбомами, а потом пришло философское осмысление феномена фотографии. У нас происходит все наоборот. Очень отрадно, что в Петербурге появился исследователь, заинтересовавшийся философской теорией фотографии. Мне трудно говорить об этой книге, поскольку сам являюсь объектом препарирования и не только я, но и многие из присутствующих здесь авторов ощущают нечто подобное: чувство подопытной лягушки, подвергнутой манипуляциям ученого. В отличие от Ф. Ницше и Э. Юнгера, которым уже не больно, нас же режут по живому, поэтому мы дергаемся.

Однако, Валерий Савчук не только аналитик, он благодарный зритель. Он человек, который может считывать фотографию, фотографическое изображение. Валерий Савчук являет собой редкий пример внимательного зрителя. Зрителя, который не пробегает быстро взглядом по фотографии, а с полным уважением к автору, его высказыванию, старается вжиться в изображение, в образный мир, созданный художником и лишь затем все это подвергает философскому анализу.

Я предлагаю присутствующим задавать вопросы.

Но, опережая, задам свои. Почему вдруг философ занялся фотографией, почему вдруг издательство не издает альбомы фотографов, а философский труд предназначенный философской аудитории?

Валерий Савчук: Я все же надеюсь, что книга будет интересна не только философам и культурологам, кто исследует фотографию, но и фотоаграфам.

Виктор Селивестов (издатель): Мы были в старом Крыму. Там фотографировали друг-друга в одной и той же панаме, на которой сидела стрекоза. Передавая панаму, стрекоза оставалась сидеть. Вывод — фотография есть нечто застывшее.

А почему мы беремся издавать «Философию фотографии», это просто — мы научное издательство. К тому же мы издаем книги, которые нам нравятся. И полагаем то, что нравится нам, должно понравиться и читателю. Эта политика нового директора Р. В. Светлова. Здесь, правда, необычный для научных изданий альбомный формат. Он оправдан нестандартной темой исследования. И мы чувствовали ответственность. Обратите внимание, что эту книгу нельзя держать одной рукой, ее трудно читать в транспорте, она требует сосредоточенного и внимательного подхода.

По образованию я философ. Когда я взялся ее читать, я думал, что войду в текст сразу и без запинок. Но не тут то было. У меня не получилось, поскольку книга настолько многослойна, настолько тонка в своих слоях и сюжетах. При этом она не содержит дерева, которое давало бы ключ к чтению. И, тем не менее, эту книгу можно читать с любой страницы. Она будет читаться.

Особенность оформления, макета. У нас не было цели кого-либо переплюнуть, но желание обрести свое издательское лицо. И нам кажется, это здесь получилось.

Александр Китаев: В самом деле, если говорить о книге как о самостоятельном произведении, то мы видим совершенно нетривиальное решение. Возможно, уже сам факт проживания в нашем городе с его особой эстетикой диктует оригинальное решение сугубо научной книги о фотографии. Действительно эта книга для двух рук — в метро с одной свободной рукой ее не считаешь.

Валерий Савчук: Книга равным образом как соединяет, так и разделяет два мира: философию и фотографию. Поэтому в «Борее» были выступления философов, которые смутили фотографов настолько, что многие, не дождавшись важной составляющей части - презентации, ретировались. Я видел удивление на лицах фотографов при утверждении философа Нины Савченковой, что Валерий Савчук «написал очень простую книгу». Здесь же в кафе «Раскольников» встреча фотографами. Именно вы виновники выхода данной книги не

менее чем я ее автор. Без вас книги не было бы. Эта книга особенно в первой теоретической части писалась как книга. При этом материал процентов на 80 еще нигде не был опубликован (что говорит об уровне востребованности СМИ, журналов аналитических текстов о фотографии).

Я не могу не поблагодарить фотографическое сообщество Петербурга, тех, кто предоставил иллюстрации к книге, а саморефлексия творчества, которую я провоцировал в личных беседах, были мне серьезной помощью.

Второе, исток этой книги в моем детстве. Книга посвящена моему отцу фотографу. Ибо я вырос в семье фотографа. И термины «глубина резкости», «зернистость», «поташ» были столь же привычными как стол, хлеб, молоко. Многие процессы фотодела от промывки до резки резакром я освоил в детстве, помогая отцу. Но мое фотографическое изначалие спало столь долго, что я, кажется, уже успел забыть запах проявителя, стук падающей рамки по ночам и дребезжащий звук пинцета, и другой, глухой о дно ванночки, когда топился еще сухой лист бумаги в проявителе. Когда же дверь “лаборатории” резко щелкала тугим крючком, тогда доносился ускоряющийся темп ударов о стенки банки толстой полупрозрачной палочки из оргстекла, размешивающей проявитель.

101

Станислав Чабуткин (фотограф): Действительно ли это первая книга по философии фотографии?

Валерий Савчук: Условно говоря, да. Условность в том, что, насколько мне известно, были книги со схожим названием, например у Вилема Флюссера «К философии фотографии» или «Непроявленное. Очерки по философии фотографии» Е. Петровской, но с таким прямым названием я не встречал. Вначале это название мне представлялось безапелляционным, но со временем я понял, что в книге именно об этом идет речь, что это и есть ее основной стержень.

Александр Китаев: В новейшее время у нас вышло несколько книг Е. Петровской и В. Левашова. Чтение этих книг разочаровывает, во-первых, поскольку не касаются российской практики, во-вторых, они просто ретранслируют расхожие на Западе образы и понятия. И ничего больше. Здесь же анализ отечественных авторов и, насколько я могу судить, исходя из оригинальной авторской концепции.

Грегори Инглерайт (журналист, США): Как Вы относитесь к творчеству Маклюэна?

Валерий Савчук: С интересом. Он эвристичный автор, который анализирует фотографию как разновидность медиа или как медиасредство. Раздел «Фотография. Бордель-без-стен» его книги «Понимание медиа» как раз и посвящен анализу воздействия фотографии на общество, как, в частности, она «стирает национальные границы и культурные барьеры и вовлекает нас в общую семью людей». Создает общее визуальное поле. А по сути фотография, является первым шагом на пути глобализации.

NN (имени своего не назвавшая): Есть ли в книге женщины фотографы?

Валерий Савчук: Да, Ольга Корсунова и Надежда Кузнецова.

NN: Нет я имею ввиду рассматривается ли Вами гендерная проблема в фотографии?

Валерий Савчук: Напрямую нет. Но я могу сослаться на арт-критика Гульнару Хайдарову, которая о выставке женщин-фотографов “Мужчины в моей жизни” (2000 г.) заметила следующее: «Фотохудожницам интересны меньшинства: цыгане, монголы, православные, геи. Их интересует негативное, социально-маргинальное, либо ... близкие и возлюбленные. Мало кому из них не интересна жизнь “среднего” класса или “высокого” стремления».

Александр Китаев: В самом деле задавленная кухней советская женщина освобождается, в том числе и тем, что берет в руки фотоаппарат и становится фотографом. Но я не представляю, что принципиально нового, специфически женского может она внести в фотографию. Разве, что очень опосредованно. Другое дело, что в фотографию в последнее время все более идут женщины, что несомненно повлияет на нее.

Александр Смирнов (фотограф): Будет ли второй том посвященный философии цифровой фотографии?

Валерий Савчук: Не могу обещать, но все же замечу, что в книге проводится различие и делается попытка выделения специфики доаналоговой, аналоговой и цифровой фотографии. Насколько мне это удалось — судить вам. Один из критериев отличия цифрового образа в

том, что цифровая, или дигитальная, фотография тяготеет по форме своей образности к дизайну, то есть к апроприации и провокации модной линии. Электронный образ позволяет себя воспроизводить бесконечно и всегда *оригинально*, во всех смыслах этого слова: и как копия действительности (какой это уже другой вопрос), и как винтаж, и как специфичный образ. Цифровая фотография проникает *внутри* образов, трансформирует и соединяет несоединимое без видимого следа. Однако в полной мере цифровая фотография себя еще не *проявила* (забавная игра слов возникает в отношении цифровой фотографии). Сегодня она переживает лишь начальную стадию, поэтому ее произведения подобны первым автомобилям, поразительно напоминавшим диллижансы, кареты, тарантасы — являются подражанием аналоговой фотографии.

Александр Китаев: Я хочу дополнить ответ Валерия Владимировича. Здесь есть два аспекта. Цифровая фотография полностью развенчала миф о правдивости фотографии, о какой-то ее правде жизни, об отражении реальности. Другой — цифровая фотография дает свободу художнику, которую не имел художник прошлого. Она действительно позволяет вторгаться в образ и создавать нечто невиданное. Это созданный образ.

Станислав Чабуткин: Почему цифровая фотография не может быть абсолютно достоверной?

Александр Китаев: Да потому, что уже нет веры в ее достоверность. Когда в середине XIX века появилась новая изобразительная технология — фотография, большинство художников и ценителей живописи решительно пресекали ее претензии на место в «хороводе муз», но охотно пользовались ей в качестве «служанки». Вспомним название одной из аллегорических работ Рейландера — «Юная Фотография преподносит Живописи еще одну кисточку». Спустя полтора века фотография сама стала «высоким искусством» и теперь уже цифровая технология подает аналоговой фотографии «еще одну кисточку». А аналоговые, мануальные фотографы, так же, как бывшие живописцы, морщатся и признают ее, «цифру», лишь в качестве служанки. Не хочу быть пророком, но будущее просматривается вполне определенно.

Валерий Савчук: Абсолютной достоверности нет ни в одном жанре изобразительного искусства. И в тоже время она присутствует в

некотором ином — на уровне художественного обобщения, образа, типажа — смысле. Картина мира и сам мир не тождественны. Отождествление — наследие эпохи просвещения, когда научная картина мира стала восприниматься как сам мир. Но искусство никогда не их смешивало, даже если очень этого хотело, например в фотореализме, произведения которых все же не спутаешь с фотографией. И цифровая фотография — не исключение. Из того, что художник использует новые средства для создания визуального образа, с неизбежностью последует появление нового изобразительного языка, нового качества художественного видения. И, наконец, поиск новой достоверности.

Александр Китаев: Наше обсуждение подошло к концу. Предоставляю автору книги заключительное слово.

Валерий Савчук: Дорогие друзья, коллеги, я благодарю всех, кто причастен к судьбе этой книги, директор издательства Р.В. Светлов точно определил соборный характер усилий. И это действительно так. Здесь важны были все звенья: фотографы, которые были открыты к сотрудничеству и были терпеливы и деликатны в ситуации, когда не все разделяли из того, что я писал об их творчестве; коллеги философы, терпимые к странному предмету философской рефлексии; издательство, которое терпело с моими бесконечными правками и изменениями текста, с моими пожеланиями к оформлению книги, художник издательства Екатерина Егорова и художник обложки Сергей Слюсарев, который был поставлен в жесткие условия и с честью из них вышел, сделав, по-моему, нетривиальную обложку, и конечно же Татьяна Викторовна Семенова, предложившая такой формат книги и осуществлявшая общее руководство подготовки книги к печати, редактор Андрей Бауман, сделавший целый ряд ценных замечаний и многие другие.

Спасибо за то, что пришли, спасибо тем, кто остался до конца и тем, кто ушел — тоже спасибо. Всем, принявшим участие в обсуждении отдельная большая благодарность.